

ВЕЛИЧАЙШИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПОДЛОГИ

ВЛАДИМИР
ЕГОРОВ

ЗАГАДКА
КУЛИКОВА
ПОЛЯ ИЛИ
БИТВА, КОТОРОЙ
НЕ БЫЛО

Владимир Борисович Егоров
Загадка Куликова поля, или
Битва, которой не было
Серия «Величайшие исторические подлоги»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18109829
Загадка Куликова поля, или Битва, которой не было: Алгоритм; Москва; 2011
ISBN 978-5-6994-9195-7

Аннотация

Мы с детства знаем историю о том, как князь Дмитрий Донской победил хана Мамаю на Куликовом поле. Однако мало кто обращал внимание на то, что описание этой битвы в летописях и в древнерусской поэме «Задонщина» вызывает много вопросов, на которые у официальных историков нет ответов. Или ответы есть, но их скрывают?

Автор этой книги, изучив множество исторических версий и документальных свидетельств, дает ответы на эти вопросы и приходит к сенсационному выводу: битва была, но не там и не тогда, как учит нас школьный учебник. Подлинные события были подтасованы еще в XIV веке в угоду политической конъюнктуре.

Содержание

От автора	5
Часть I. Сценарии	6
Сценарий первый. «Руси защитник»	6
Сценарий второй. «Ханский сатрап»	12
Сценарий третий. «Ягайлов вассал»	15
Сценарий четвертый. «Костромской хан»	22
Сценарий пятый. «Тающий айсберг»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Владимир Борисович Егоров

Загадка Куликова поля, или

Битва, которой не было

© Егоров В. Б., 2011

© ООО «Алгоритм-Издат», 2011

© ООО «Издательство Эксмо», 2011

От автора

Как-то мельче и мельче становится наша история. В обоих смыслах: измельчается и мелеет. Да и как не измельчиться, если уменьшилась сама страна после того как осыпались с нее «союзные» республики, словно плохо закрепленные кули с перегруженного воза на проселочном ухабе. И как не обмельеть, если, глядишь, в истоках ее уже не полноводный овеянный легендами Дунай, не могучий назначенный историками «путем из варяг в греки» Славутич или хотя бы мелкая и промозглая, но привольно безбрежная Ладога, а сухие обглоданные конскими табунами монгольские степи. И Россия уже не Русь-матушка, «Третий Рим», собирательница земель русских, а злокозненная Московская Орда, поработившая пол-Европы и до самого упора не пускавшая эту полу-Европу в распростертые объятия чадолюбивого НАТО. И уже Александр Невский не великий полководец, спасший Отчизну от полчищ позарившихся на ее несметные богатства алчных папских приспешников, а тать в нощи, воровски отнявший добычу у ватаги шведских озорников; не святой воитель, отстаивший исконную веру отцов, а беспринципный интриган, торговавший родиной оптом и в розницу. Вот и Дмитрий Донской вовсе не благословенный на ратный подвиг святым радонежским старцем защитник Русской земли, а исторгнутый из лона православной церкви ханский сатрап, на совести которого десятки тысяч христианских душ, погубленных ради того, чтобы не подверглась сомнению его лояльность хозяину-чингизиду.

Плюрализм, господа, плюрализм. Плюралистов развелось – плюнуть некуда. А прочтешь очередное плюралистическое творение – так ведь хочется, ох, как хочется! Однако ничего, запьешь пивком и за другого плюралиста садишься. Потому как нет альтернативы. Ибо всякого нормального человека время от времени вдруг возьмет да посетит неумное желание прознать, что же все-таки у нас на самом деле в прошлом-то, черт возьми, творилось. А где прознаешь? Не в учебниках же, не в энциклопедиях советских. Вот и приходится, плюясь, читать их, плюралистов. А они и рады. Строчат себе – ничего у них святого. На самую Куликовскую битву, едва ли не единственное светлое пятно в нашем непроглядном татарско-империалистическом прошлом, можно сказать, покушаются!

Вот и славненько, вот и почитаем...

Часть I. Сценарии

Сценарий первый. «Руси защитник»

Очень может быть, нынешним младшим поколениям не довелось познать классику представлений советского периода о Куликовской битве. Может быть, склероз и сквозняки перестройки выветрили эту классику из дальних закоулков памяти старших поколений, когда-то запихнутую туда школьной программой и пролежавшую мертвым грузом в силу не востребоваемости истории, как и прочих школьных предметов, в буднях советской действительности. Поэтому уместно будет хотя бы вкратце напомнить и старым и малым классический сценарий советского времени: «Руси защитник».

В свете марксистской исторической науки ко времени Мамаева побоища – последней четверти XIV столетия – уже полтора века стонал народ многострадальной Руси под тяжким татаро-монгольским гнетом, а многочисленные удельные князья вместо того, чтобы объединиться и совместными усилиями сбросить ненавистное иго, продолжали раздирать Русь княжескими междоусобицами и грызться за ярлыки на великие княжения. Самое великое из великих княжений и самый желанный ярлык – уже не Киев, разоренный в княжеских распрях и окончательно добитый Батыем. Прежняя столица Киевской Руси потеряла всякое политическое и духовное значение, а ведущую роль на северо-востоке бывшей Киевской Руси давно перехватил Владимир-на-Клязьме – официальная столица самого сильного в прошлом из Залесских княжеств. Но и Владимир уже далеко не пуп Русской земли. В великом княжестве Владимирском на законном основании обладателя ханского ярлыка запрашивал московский князь Дмитрий Иванович и с успехом делал это из своей вотчины, Москвы, превратив ее де-факто в столицу великого княжения. Надо полагать, богаты, многолюдны и притягательны стали новые стольные грады на Клязьме и Москве-реке, судя по тому, что даже назначенные Константинополем русские митрополиты не засиживались на своей захолустной и бедной киевской кафедре, а норовили перебраться во Владимир, а там и в Москву, где кипела настоящая жизнь, где сформировался новый русский политический и экономический центр и обретался столичный бомонд.

В борьбе за великокняжение и соответствующие ему привилегии с Московским постоянно соперничали другие великие княжения северо-восточной Руси: Тверское, Суздальское, Рязанское и Смоленское. В этой шедшей с переменным успехом борьбе без правил ко времени Куликовской битвы обозначилось преимущество Москвы и личное первенство ее великого князя Дмитрия Ивановича. Однако эти преимущество и первенство не распространялось на основного соперника Москвы в «собрании русских земель» – великое княжество Литовское и, соответственно, главного противника верховного московского владыки – великого литовского князя Ольгерда Гедиминовича. В долгой истории их противоборства, вошедшего в историю как первый период московско-литовских войн или попросту Литовщины, Ольгерд трижды ходил на Москву в 1368, 1370 и 1372 годах, в то время как московские князья о походах на литовскую столицу Вильню, современный Вильнюс, даже не помышляли. Результатом этих войн, в целом не выявивших явного победителя, стал договор о «вечном мире». Мир оказался не таким уж вечным, и сразу после смерти Ольгерда в 1377 году, непосредственно накануне Мамаева побоища, Москва начала прибирать к рукам так называемые Верховские княжества на Брянщине – захваченные Литвой остатки бывшего великого Черниговского княжения. В 1379 году московское войско совершило поход к Стародубу Брянскому и Трубчевску, в результате чего тамошний князь Дмитрий Ольгердович пошел в

услужение к своему московскому тезке и наряду с другими брянскими князьями да боярами через год оказался действующим лицом Куликовской битвы.

У самой этой битвы имелась некоторая предыстория. Татары устраивали набеги на Русь практически ежегодно, поскольку даней им, как водится, не хватало. Те выплачивались по разным причинам нерегулярно и, как водится, в гораздо меньших объемах, чем хотелось бы ордынским правителям. Потому ханы и мурзы вместо того чтобы делиться своими «скромными» доходами с рядовыми нукерами, посылали тех на «подножный корм» на русские земли. Нукеры неплохо подкармливались, а заодно поддерживалась боевая форма их военачальников. За три предшествовавших Куликовской битве года летописи фиксируют три крупных ордынских вторжения.

В 1376 году татары разграбили одно из Верховских княжеств, Новосильское, по современной географии где-то на северо-востоке Орловской области. Весьма вероятно, что в то время Новосиль находился в вассальной зависимости от Москвы. По крайней мере, достоверно известно, что московский князь Симеон Гордый в конце 40-х годов XIV в. купил у своего тезки, новосильского князя, некую волость Заберегу, а в конце 60-х годов Дмитрий Иванович «поменял» неудобного ему новосильского князя Ивана Семеновича, слишком явно ориентировавшегося на Литву, на лояльного Москве его брата Романа. Так что защищать Москве в Новосиле было чего. Потому на защиту новосильцев от татар вроде бы даже вышло московское войско, но до столкновения однако дело не дошло, татары успели ретироваться раньше. А может быть москвичи не слишком-то спешили. Факт сам по себе интересный, так как Куликово поле находится в общем и целом по дороге из Москвы в Новосиль. Впрочем, принадлежало ли само легендарное поле Новосильскому, Пронскому или какому другому княжеству, сказать нелегко. Плоховато в те времена было с картографией. Границы княжеств явно не маркировались, «государственная» принадлежность определялась исключительно иерархией вассалитета – штука весьма капризная. В соответствии с этой иерархией великое княжество Московское состояло из нескольких не всегда смежных лоскутов, одним из которых, возможно, был Новосиль. Другой лоскут-эксклав – Белозерское княжение, превосходящее по размеру собственно московскую метрополию в несколько раз, – был отделен от Московского Ярославским, Ростовским и Суздальским княжествами. При такой политической географии стоило, например, удельному князю Кашинскому объявить себя вассалом не тверского, а московского князя, как незримая граница между великими княжествами Тверским и Владимирским тут же сдвигалась на сотню километров к востоку. И наоборот. А метания смоленских князей между Литвой и Москвой мгновенно перемещали виртуальную литовско-московскую границу туда-сюда на пару-тройку сотен километров.

Однако вернемся к татарским набегам. В следующем 1377 году ордынцы полностью разорили Нижегородское и Рязанское княжества. Еще через год, в 1378-м, вновь вторжение в рязанские пределы. На сей раз объединенная рать Московского и Пронского княжеств под общим руководством Дмитрия Ивановича наголову расколошматила татар на реке Воже, правом притоке Оки, то есть на исконно рязанской земле. Здесь тоже есть пара любопытных моментов в увязке с будущим Мамаевым побоищем. Во-первых, москвичи и рязанцы выступили союзниками, а не врагами, как полагалось бы по сценарию «Руси защитник». Во-вторых, победоносное сражение имело место при впадении в Вожу ее притока Мечи, тезки другой Мечи (ныне Красивой Мечи), притока Дона, текущей по соседству с Куликовым полем.

Наконец после двухгодичного затишья, понадобившегося для латания прорех и сбора всех бывших в его распоряжении сил, вплоть до генуэзских наемников, рассвирепевший Мамай лично повел на Москву всю Орду. Мало того, он еще сговорился с двумя великими князьями, рязанским Олегом и литовским Ягайлом. Встреча союзников «антимосковской коалиции» должна была произойти в верховьях Дона, куда Мамай и пришел в конце лета 1380 года. Узнав об этом, Дмитрий Иванович тут же объявил срочную всеобщую мобили-

зацию и, собрав в Коломне ко дню Успения Богородицы войска всех вассально зависимых от него княжеств, без промедления с огромным войском (по разным оценкам, от ста десяти тысяч до полумиллиона штыков, то бишь копий), двинулся навстречу Мамаю, успев получить от Сергия Радонежского благословение на битву и в придачу двух иноков: Пересвета и Ослябю. Подойдя к Дону, Дмитрий Иванович, вопреки советам малодушных, решительно форсировал водную преграду, и туманным утром на Рождество Богородицы его войско построилось в боевые порядки на Куликовом поле при впадении в Дон его правого притока, речки Непрядвы. Перед битвой были приняты два важных тактических решения: уничтожить за собой переправы и оставить в ближайшей роще конный засадный полк под командованием Владимира Андреевича Серпуховского и служилого волынского князя Дмитрия Боброка. Между прочим, еще два литовских князя, Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, братья неторопливо поспешавшему на помощь Мамаю Ягайлу, командовали соответственно правым флангом и резервным полком московского войска.

Перед самым сражением главнокомандующий, великий князь Московский Дмитрий, почему-то поменялся доспехами с неким Михаилом Бренком и пошел в бой простым воином. Битва началась поединком монаха Пересвета с татаринном Челубеем, в котором оба богатыря пали мертвыми, одновременно пронзив друг друга копьями. По ходу сражения наступающие татары уничтожили московский передовой полк, но не смогли ни прорвать центр, ни потеснить правый фланг русских войск. Зато им удалось опрокинуть фланг левый, и они зашли в тыл основным русским силам, но были остановлены резервным полком и, неожиданно для себя попав под стремительную атаку засадного, дружно ударились в бегство. Свежая засадная конница преследовала удирающего врага пятьдесят километров до самой Мечи. Разгром врага был полным, но и собственные потери огромными. Восемь дней московское войско «стояло на костях», хороня погибших. Сам Дмитрий Иванович храбро бился в первых рядах, был тяжело ранен, с трудом отыскан среди трупов, но остался жив, а вместо него погиб облаченный в княжеские доспехи и оставленный при знамени Михаил Бренок.

Быстрый сбор войск, решительный марш-бросок к Дону и немедленное вступление в бой позволили московскому войску опередить союзников Мамая. Ягайло совсем чуть-чуть не успел к Мамаеву побоищу и, узнав о победе Дмитрия, в страхе повернул назад всего в одном переходе от Куликова поля. О рязанском войске толком ничего не известно, однако бытует мнение, что оно тоже было при деле: то ли совместно с литовцами, то ли само по себе грабило обозы победителей на их обратном пути в Москву.

Куликовская победа положила начало освобождению Руси от татаро-монгольского ига и стала важной вехой в исторически прогрессивном процессе объединения русских земель вокруг Москвы. Благодарный русский народ дал князю Московскому и великому князю Владимирскому Дмитрию Ивановичу почетное прозвище Донской, а его двоюродному брату Владимиру Андреевичу Серпуховскому – уважительное Храбрый.

Эта вкратце пересказанная российско-советская классика складывалась в русской дореволюционной исторической, а затем развивалась в советской академической науке и в целом выглядит довольно стройно. Еще бы, столько маститых историков трудилось. Тем не менее есть в ней несколько очевидных прорех и остающихся без ответа вопросов.

Во-первых, какова все-таки была численность московского войска и, другой связанный с этим вопрос, какие княжества внесли в него свой мобилизационный вклад? Академическая наука эти вопросы так и не решила: слишком противоречивы и несопоставимы по этим вопросам летописные данные. Но даже наименьшая и наиболее ходовая в учебниках численность войск – сто десять тысяч – более чем сомнительна. Великое княжество Московское вместе с большим, но слабозаселенным Белозерским и прочими зависимыми и союзными княжествами, даже включая те, участие которых в Куликовской битве маловероятно, вряд

ли могло наскрести, да еще в пожарном порядке, такие силы. И вряд ли можно обеспечить сотысячному войску переправу через приличную реку за один день. Однако все московское войско форсировало Дон за одну ночь, да еще успело к утру уничтожить переправы и построиться в боевые порядки. Еще хуже ситуация с войском Мамаея, тут вообще никаких данных, только домыслы и обычные страшилки о «несметной татарской рати».

Во-вторых, как понять тактику обеих сторон? Ладно, допустим, что войско Дмитрия действительно было очень большим, что заранее предвидевшему нападению Дмитрию удалось быстро собрать все находившиеся под его рукой в полной боеготовности силы. И тогда тем более нереальным выглядит поход всего наличного войска к черту на кулички, то бишь Куликово поле, с полным оголением тылов. Если верить летописям, Дмитрий Иванович в 1380 году уже имел немалый собственный боевой опыт и весьма искушенных в стратегии и тактике военачальников. Как могли они, зная о сговоре Мамаея с Олегом и Ягайлом, увести все боевые силы далеко на Дон и тем самым оставить совершенно беззащитной свою родную землю перед литовцами и рязанцами? А с другой стороны, столь же необъяснимым выглядит бездействие последних в столь удобный момент. Ягайло вместо того, чтобы безнаказанно разгуляться и поживиться в оставленных без присмотра московских пределах, в которые, кстати говоря, трижды успешно проходил его отец, неспешно ведет свое войско к Дону, а другой Мамаев союзник, Олег Рязанский, и вовсе в критический момент откровенно бьет баклуши.

В-третьих, как понять Мамаея? Он договорился о совместных действиях с Олегом и Ягайлом, он почти месяц болтался в верховьях Дона, ожидая подхода союзников и вдруг, когда как минимум Ягайло уже был на подходе, когда после месячного ожидания ждать осталось всего-то один день, вдруг сломя голову в одиночку бросился в бой с громадным московским войском. Не считать же, право, идиотом человека, сумевшего своим умом, своей хитростью добиться верховодства в Орде, человека, под дудку которого долгие годы плясали многие монгольские ханы.

В-четвертых, как понять Ягайла? Допустим, он не хотел довольствоваться малым, безнаказанным грабежом московской земли, а решил радикально разделаться с основным соперником в «собрании земель русских» и уже потом с позиции силы по-своему решать территориальные споры с Москвой. Поэтому, соблюдая договор, со всем своим войском шелтаки к месту randevу с Мамаем. Понятно, что большое войско не может двигаться без разведки и передового охранения. Например, Дмитрий до и во время похода к Дону высылал несколько глубоких разведок в Дикое поле и о сближении с Мамаем тоже узнал заранее от ближних дозоров. Ягайло не мог не знать, что лишь переход отделяет его от места противостояния Мамаея и Дмитрия. Куликовская битва из-за густого утреннего тумана началась в районе полудня, и конница Ягайла вполне успевала ночным маршем к началу сражения, а к его концу, вполне вероятно, подошли бы и пешие литовские полки. Наконец, учитывая размеры потерь московского войска, Ягайло даже с небольшими силами вполне мог напасть на его остатки после завершения Мамаева побоища. Усталые и к тому же разбросанные на пять десятков километров из-за преследования татар до Красивой Мечи, они вряд ли смогли оказать Ягайлу какое-либо реальное сопротивление. Вместо всего этого Ягайло черепашым шагом ползет к Дону, позволяя Дмитрию собрать войска и обогнать его, а потом вдруг пренебрегает уникальной возможностью разделаться с обессиленным врагом, неожиданно поджимает хвост и драпает обратно в Литву, отважившись лишь украдкой пограбить какие-то московские обозы.

В-пятых, как понять самого Дмитрия? Гениальный полководец, великолепным маневром получивший возможность бить врагов поодиночке, вдруг перед решающей битвой оставляет войско без командования, идет сражаться простым воином и растворяется в общей массе. Бывает, конечно, что полководец в критический момент сражения сам ведет в атаку

свои дрогнувшие полки и личным примером воодушевляет воинов, как это сделал, например, Наполеон на Аркольском мосту. Но бросать войско на произвол судьбы перед началом битвы – такого в истории ни за великими, ни за мелкими полководцами не числится. Тем более не пристало прославленным полководцам отсиживаться в кустах. А по версии «Сказания о Мамаевом побоище» Дмитрий Иванович, переодевшись простым воином, в прямом смысле отсиживался всю Куликовскую битву в кустиках ближней дубравки. Столь же трусливо он повел себя через два года во время нашествия на Москву нового ордынского хана Тохтамыша. Казалось бы, над Ордой за последние годы одержано две крупные победы на Воже и Непрядве плюс успешный рейд на Волгу в Болгарское ханство «под дых» Золотой Орде. Авторитет Дмитрия среди князей северо-восточной Руси непререкаем; в строю главный военачальник и гроза ордынцев Боброк Волынский, командовавший походом на Волгу и «устраивавший полки» на Воже и Непрядве. Вроде бы все идет к тому, что надо закреплять успех, сбрасывать ненавистное иго. Но... Тохтамыш сжигает Москву без малейшего сопротивления со стороны Дмитрия, позорно удравшего аж в Кострому, полностью разоряет московские и рязанские земли, после чего спокойно удаляется с трофеями восвояси.

В-шестых, как понять московский народ? За что он был так благодарен Дмитрию, за что дал ему почетное прозвище Донского? Великий князь в донской битве сражался рядовым воином, войском не командовал и, следовательно, прозвание его Донским вообще не имеет никакого смысла. С другой стороны, если исходить из того, что он был организатором и вдохновителем дальнего похода за Дон, то именно он ответственен за то, что на Куликовом поле зазря погибли десятки тысяч кормильцев русских семей, а единственным видимым результатом народного подвига стало новое разорение московской и рязанской земель Тохтамышем. В такой ситуации скорее можно было бы ожидать, что «благодарный» народ дал бы Дмитрию уничижительно издевательское прозвище Костромского в память о том, как он отсиживался, испугавшись Тохтамыша, в заволжской глухомани. Заметим, даже православная церковь долго, очень долго отказывала Дмитрию Донскому в святости, в отличие, например, от Александра Невского. Донской был канонизирован только... через шестьсот (!) лет после смерти, уже в наше время, в 1988 году.

Итак, шесть вопросов. А сколько ответов?

Авантюрный поход всеми силами за Дон сценарий «Руси защитник» объясняет военным гением Дмитрия Донского, который сумел все предвидеть, разумно рискнуть и не дать соединиться союзным силам. Ну что ж, гений так гений; победителей, как говорится, не судят. Хотя история, дама своенравная, не брезгует судить и победителей.

Непротивлению Тохтамышу есть два толкования. По одному из них, кстати, более позднему, Дмитрий поспешил в Кострому «собирать войска». Но почему-то не собрал. За два года до этого в считанные дни поставил под копыте против Мамаю сотни тысяч бойцов, и ни в какие тмутаракани ему для этого ехать из Москвы не пришлось, а тут вдруг свет сошелся на Костроме. Другое толкование, более старое и восходящее еще к каким-то летописям, списывает трусливое поведение Дмитрия на «нежелание» воевать подвластных ему удельных князей. Вот так вот случилось, что всех их, которые в общем-то и заняты были только войнами, если не считать охот да пиров, вдруг дружно одолело нежелание заниматься своим главным делом, единственным, которое они умели делать. Как-то не верится. Можно понять, когда артачится один какой-нибудь чем-то обиженный или обделенный феодал. Но когда не желают подчиняться все, то тут что-то не так. Значит, неправда не только то, что «Куликовская победа положила начало освобождению Руси от татаро-монгольского ига», но и то, что она «стала важной вехой в процессе объединения русских земель вокруг Москвы». Не положила, не стала.

По остальным вопросам сценарий «Руси защитник» и вовсе хранит скромное молчание. Этих вопросов как будто не существовало, из чего можно сделать вывод, что и ответа на

них тоже не имелось. Да и действительно, какое может быть объяснение, например, отказу Дмитрия от командования войском и переодевание в одежду рядового воина? Никакого. Никто его и не нашел. Или какое можно найти оправдание позорному бегству в Кострому? Тоже, казалось бы, никакого. Ан, нет, оказывается, при большом желании какое-то все же можно! Но оно порождает целый новый «уточненный» сценарий Мамаева побоища, к которому мы и переходим.

Сценарий второй. «Ханский сатрап»

Есть расхожее мнение, даже убеждение, что русскому человеку всенепременно подавай царя. Несподручно ему жить без властной руки самодержца – менталитет не позволяет. Потому всякая демократия у нас обречена изначально и ни к чему путному никогда не приведет. Может, оно и вправду так – благо смехотворных, кабы не печальных, примеров того, чем кончались демократические игрища в России, предостаточно. Так уж повелось на Руси еще с самого первого царя, с Гороха. Впрочем, про гороховые времена можно только гадать, а вот что со времен царя Косаря, он же кесарь, он же византийский император, так это точно. На Руси могли быть свои князья и даже великие князья, славные и почитаемые, получившие хвалебные прозвища и приобщенные к лику святых, но царь, прямой наследник римских кесарей, был один – в Константинополе. Однако после захвата в 1204 году византийской столицы крестоносцами и провозглашения Латинской империи Романии православная Византия фактически перестала существовать, подчинившись папе. Возможно образовавшийся вакуум верховной власти, сразу светской и духовной, привел бы Русь к переосмыслению ее взаимоотношений с Византией и уже тогда, в XIII веке, естественно побудил бы ее постепенно встать на путь полного суверенитета и автокефалии. Но к тому времени Киевская Русь уже фактически рассыпалась, и множеству мелких феодальных суверенитетов было не до одного большого и универсального. А всего через треть века после падения Византии, когда этот факт еще только-только осмысливался на Руси, навалилось на нее татаро-монгольское иго и как-то само собой заместило византийского кесаря в политической иерархии новым «царем» – ордынским ханом. И хотя русских митрополитов по инерции, но откровенно нехотя, еще принимали из Константинополя, ярлыки на княжения стали выпрашивать, с подобострастными поклонами и подношением богатых подарков, у ордынских правителей. По мере того как роль и авторитет константинопольских назначенцев на Руси быстро падали, роль и значение держателей ханских ярлыков столь же уверенно росли.

Основным более-менее регулярным источником доходов золотоордынских ханов была дань с покоренных земель, которую в конце XIV века собирали уже не ханские баскаки, от случая к случаю и с кого придется, а местные правители, поголовно со всего населения на вполне регулярной основе. Собственно, ярлыки на великие княжения и нужны были в первую очередь для того, чтобы получить эту доходную привилегию – к рукам сборщика дани всегда чего-нибудь да прилипнет. Резкое усиление Москвы при держателях ярлыков от Ивана Калиты до Дмитрия Донского наводит на мысль, что могло прилипнуть и по-крупному. Другим источником ханских доходов, эпизодическим, зато потенциально безразмерным, были набеги на сопредельные земли со всеми сопутствующими «развлечениями»: тотальным грабежом, массовыми убийствами, разгульными изнасилованиями и, наконец, растянувшимся от горизонта до горизонта обозом с награбленным добром и караваном брэнчавшего кандалами полона.

Вторая половина XIV века в Золотой орде отметилась ханской чехардой, которую летописи именуют «великой замятней». За полтора столетия, прошедшие со смерти Чингисхана, его потомство изрядно расплодилось и перепуталось. Многочисленные прямые и не очень потомки Потрясателя вселенной усердно соревновались в том, кто большему числу соперников устроит фирменную секир-башку. В мутной водиче этой замятни, густо окрашенной кровью претендентов на ханский трон, успешно выловил свою «золотую рыбку» темник Мамай, сумевший взять бразды правления Ордой в свои руки и уверенно державший их при быстро меняющихся ханах. Не пришедшиеся ему по душе, кстати сказать, сменялись особенно быстро. Хотя Мамай был зятем хана Бердибека и фактическим властителем Золотой Орды, формально занять ханский трон он не имел права, так как эта привилегия по

завещанию Чингисхана принадлежала только его прямым отпрыскам. Зятья были не в счет. Из-за этого досадного препятствия Мамаю приходилось сажать на трон ему угодных и смещать ставших негодными ханов из числа кровных чингизидов, благо вследствие плодovitости последних трудностей с выбором Мамай не испытывал. Собственно, именно Мамай успешно поддерживал в Орде «великую замятню» к своей выгоде долгие годы.

Политические игры, позволившие Мамаю двадцать лет продержаться на вершине властной пирамиды Орды, он столь же успешно распространил и на северо-восточную Русь. Будучи де-факто правителем Орды, Мамай от имени марионеточных ханов раздавал ярлыки на великие княжения и по классическому принципу «разделяй и властвуй» передавал ярлык то одному, то другому князю, не позволяя, с одной стороны, долго прикармливаться и слишком усиливаться ни одному из них, а с другой, – поддерживая между ними постоянную конкурентную вражду. Русские князья, традиционно чтившие царя и привыкшие беспрекословно исполнять царскую волю, подчинялись решениям Мамаю. Но в случае с великим князем Московским вдруг нашла коса на камень. В 1371 году, когда Мамай отдал ярлык на великое Владимирское княжение Михаилу Тверскому, Дмитрий Иванович, доселе владевший ярлыком, подчиниться новому решению ордынского правителя отказался, в Орду на поклон не поехал и через посла передал Мамаю, что князя Михаила на княжение во Владимир не пустит. С чего заартачился Дмитрий? Сие неизвестно. Сценарий «Руси защитник» вроде бы подразумевал, что почувствовал свою силу князь Московский и великий князь Владимирский, посмел дать отпор Орде. При таком раскладе естественным продолжением новой политики Дмитрия Ивановича выглядят и рейд московского войска в казанское ханство с перенаправлением его дани из Орды в Москву, и заданная ордынцам трепка на реке Воже, и, наконец, апофеоз сопротивления Орде – Куликовская битва. Вот только трусливое бегство от Тохтамыша в Кострому никак не укладывается в эту «новую политику». Любопытная получается картинка: крымских и казанских ханов колошматим в хвост и в гриву, а от Тохтамыша, только заслышав о его приближении, драпаем во все лопатки. Такой вот странный, на первый взгляд, переход на личности. Но именно на личностях ордынских правителей и основывается следующий сценарий – «Ханский сатрап».

Авторы этого сценария как раз обращают внимание на то, что Мамай при всем своем реальном могуществе не был и не мог быть ханом. Худороден был по ордынским меркам. Стало быть, после возникновения прямого конфликта между ним и Тохтамышем русские князья должны были отвернуться от Мамаю. Ему приходилось подчиняться, точнее даже не ему, а его силе, но только поневоле и как временщику. А вот Тохтамыш, тот был чингизидом по крови и, стало быть, настоящим ханом по ордынским законам. Таким образом, для чтящих ордынский закон Рюриковичей Мамай был узурпатором, а Тохтамыш – истинным «царем». Такому поклониться не грех, а долг чести, такому сам Бог велел подчиняться радостно и служить преданно. Вот потому-то Дмитрий Донской Мамаю платить дань отказывался, самого Мамаю и его мурз бил почем зря, а Тохтамышу высылал богатые дары и помыслить не смел поднять против него оружие. Вот потому-то, когда дело дошло до открытого противостояния Мамаю с Тохтамышем, Дмитрий естественным для него образом взял сторону «царя» и выступил против Мамаю, то есть пошел не против угнетателя русского православного народа и не против душившего Русь татарского ига, а только против узурпатора в помощь законному претенденту на ханский трон. Вот потому-то он, когда узнал, что «истинный царь» идет на Москву, перечить ему не посмел и удалился от греха подальше в заволжскую тмутаракань – далекую Кострому.

Вот как выражена квинтэссенция данного сценария у советского историка М. Тихомирова¹: *«После разгрома Мамаю на престол сел Тохтамыш, и Дмитрий с почетом послал ему*

¹ М. Тихомиров. Куликовская битва 1380.

дары. Тохтамыш – союзник Дмитрия, воевавшего не против Орды, а против Мамаю, Орде не подчинявшегося. Так что не было сепаратизма русских князей против великой империи, но борьба за единство Орды против узурпатора. Дмитрий не за свободу Руси боролся, а за единство Орды». Такой вот уточненный сценарий нашего времени, вероятно поспособствовавший запоздалой канонизации «борца за единство Орды» Дмитрия Донского, а возможно, именно для инициации процесса канонизации и писанный. Однако разрешает ли сценарий «Ханский сатрап» рожденные классикой сомнения, отвечает ли на шесть наших поставленных выше вопросов? Увы, нет. На самом деле абсолютно ничего не объясняет этот новомодный сценарий, только добавляет новые вопросы.

Если Дмитрий Донской на Куликовом поле бился за «царя» против узурпатора, то почему не в роли верного царского вассала, великого князя Владимирского, а рядового воина? Если Дмитрий Донской пошел на Куликово поле против Мамаю за Тохтамыша, то почему Тохтамыш вместо благодарности московскому князю за более чем ощутимую помощь разорил всю его вотчину и сжег его столицу, а ярлык на великое княжение передал Ягайлу? Если Дмитрий считал Тохтамыша своим сюзереном, то почему, узнав, что повелитель сподобился нанести визит в его владения, не вышел навстречу с приличествующими случаю выражением преданной покорности и подарками, а шкодливо сбежал из дома в далекую Кострому? Нет, не вяжутся концы с концами в сценарии «Ханский сатрап», не вяжутся куда больше, чем в классике. Там по крайней мере можно худо-бедно объяснить разорение Москвы Тохтамышем простым наведением хозяином порядка в новом доме после победы над Мамаем. Царство завоевано, теперь надо лично пройтись по нему, посмотреть что к чему, за что боролись, понять, чем дышат подданные. А что касается разорения Москвы, так это любя: вроде того как мать, разняв драчунов сыновей, дает забияке в наказание ремня и ставит его в угол, а пострадавшему отвешивает для остротки символический подзатыльник. Вот таким «подзатыльником», чтобы не забывал, кто в доме хозяин, и могло стать сожжение Москвы. По тогдашним меркам пустяк. Забияке-то Мамаю пришлось не в пример хуже.

Итак, сценарий «Ханский сатрап» все основные вопросы по-прежнему оставляет без ответа. Более того, он добавляет еще один, седьмой, вопрос: почему все-таки Тохтамыш сжег Москву, то есть вместо благодарности за объективную неопределимую помощь в борьбе с Мамаем за верховенство в Орде, решил наказать Дмитрия Донского? Если сценарий «Руси защитник» подразумевает, что Дмитрий был наказан за свободолюбие, патриотизм и первые смелые попытки освободиться от власти Орды, то модный и, пожалуй, доминирующий в последнее время сценарий «Ханский сатрап» полностью дезавуирует это объяснение, не предлагая ничего взамен. Образующийся вакуум, которого, как известно, природа не терпит, ищущая мысль в соседней Беларуси заполнила еще одним, оригинальным и весьма отличным от двух первых, сценарием.

Сценарий третий. «Ягайлов вассал»

О великом княжестве Литовском русские и советские историки писали, а российские и сейчас пишут мало и неохотно. Между тем в свое время это было самое большое и сильное суверенное государство Восточной Европы, прибавшее к рукам все западные и южные земли бывшей Киевской Руси. На современной политической карте оно накрыло бы территории Литвы, Беларуси, большей части Украины и западные области Российской Федерации. В отличие от князей северо-восточной Руси литовские князья не были вассалами ордынских ханов, успешно воевали с Ордой и не только отстаивали свою независимость, но со временем ощутимо продвинули пределы тогдашней Литвы на юг, заодно оттяпывая одно за другим западные удельные княжества у Москвы и Рязани. В результате Литва конца XIV века лишь чуть-чуть не дотягивала до двух морей: на севере Балтийского, а на юге Черного. Восточные рубежи Великого княжества Литовского гуляли по землям Брянского и Смоленского княжеств, которые то прочно подпадали под Литву, то переметывались к Москве, то на короткий период обретали видимость независимости.

Великое княжество Литовское практически вычеркнуто из российской истории, Россия о нем знать не желает. Зато его, как одеяло, тянут на себя и перетягивают друг у друга Литва и Беларусь. Обе считают себя единственными полноправными наследниками и полны решимости приватизировать его славное прошлое. А заодно и чужое – для вящей славы то ли Великой Древней Литвы, то ли Древней Великой Беларуси. И конечно не мог пройти мимо Куликовской битвы один из самых активных и плодовитых «историков извечной Беларуси» главный редактор «Аналитической газеты «Секретные исследования» В. Деружинский, публикующийся в своей газете под несколькими псевдонимами, что, понятное дело, создает видимость обширности авторского коллектива. В частности, в статье «ВКЛ и Куликовская битва», опубликованной под псевдонимом В. Ростов, он дает свой весьма отличный от всех привычных сценарий этих событий.

Основа этого сценария – тезис, что Дмитрий Иванович был вассалом не ордынских правителей, а... великого князя Литовского Ольгерда Гедиминовича. Тут, пожалуй, стоит привести оригинальную цитату. Итак, слово Деружинскому: *«Все российские историки удивительно слабы на память и «дружно забывают» факт, который заставляет совершенно иначе взглянуть на Куликовскую битву. А именно: в 1373 году (за 7 лет до битвы) Ольгерд бескровно захватил Москву в состав ВКЛ [Великое княжество Литовское. – В.Е.], всадил в кремлевскую стену свое копьё – как знак теперь вечной принадлежности Москвы ВКЛ, а также подарил москвичам пасхальное яйцо как символ единства. Таким образом, Дмитрий Ольгердович являлся для Московского княжества «генерал-губернатором», куратором новой территории ВКЛ (так как вотчина Дмитрия Ольгердовича – Брянщина – и лежала погранично с Московским княжеством). И Дмитрий Донской был его вассалом».*

Вообще-то, слово факт в общепринятом понимании – это «знание в форме утверждения, достоверность которого строго установлена». Не знаю, кем строго установлен «дружно забытый» российскими историками факт, что Ольгерд «бескровно захватил Москву в состав ВКЛ» (русский язык цитаты оставляю без комментария, все-таки писал иностранец из далекой Беларуси). Русские летописи такого «факта» не знают. Согласно им, только в первых двух походах Ольгерд доходил до стен Московского кремля, но взять его не смог. И свое копьё вряд ли сумел бы в них всадить, даже будь он богатырем сродни Илье Муромцу – в то время кремлевские стены были уже каменными. Конкретно в 1373 году он этих каменных стен даже не видел. Пасхальное яичко, как известно, дорого к Христову дню. Но на Пасху никакому Ольгерду, никаким татарам и вообще никому не могло придти в голову идти походом на Москву – в весеннюю распутицу, на которую приходится пасхальные праздники,

добраться до нее было делом совершенно невозможным. Тем более чистой воды выдумка про «генерал-губернаторство и кураторство» над Москвой Дмитрия Ольгердовича. Кстати говоря, если Дмитрий Ольгердович был генерал-губернатором Москвы, то есть всего лишь представителем Ольгерда, то тогда московский князь был все же вассалом последнего, а не своего тезки. Так что начало у Деружинского явно неудачное. Но кто на самом деле знает, что происходило под каменными московскими стенами в те далекие годы?! В крайнем случае спишем заявление Деружинского на небрежность (он вообще пишет весьма небрежно) и эмоциональность и не будем спешить выплескивать мутную водицу его зачина под куст: вдруг там еще отыщется жизнеспособное дитяtko.

Продолжение полоскания истории в корыте Деружинского ожидаемо выявляет двух важных действующих лиц: литовских князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. Столь же ожидаемо утверждение нового сценария, что этим князьям великой державы, самого княжества Литовского, даже в голову не могла бы прийти мысль служить какому-то «*мелкому московскому князьку*». Так что на Куликовом поле они были никакими не служилыми князьями, а полноправными и полномочными представителями своей великой литовско-белорусской родины. За нее они сражались с Мамаем, ей и только ей беззаветно служили всю свою жизнь и за нее же впоследствии дружно сложили свои головы. А ведь, черт возьми, и правда сложили! Дружно. В 1399 году войско всей Литвы, усиленное поляками, союзными Литве татарами и даже крестоносцами, было наголову разбито на реке Ворскле преемниками Мамаю. Его главнокомандующий великий князь Литовский Витовт успел вовремя дать деру, а множество прочих удельных князей, включая обоих героев Куликовской битвы, Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, унести ноги не успели. Это действительно факт, факт исторический, с ним не поспоришь.

По сценарию «Ягайлов вассал», в Куликовской битве против Мамаю воевало не Московское или великое Владимирское, а великое Литовское княжество. Но воевало как раз за Москву (внимание, первая в истории битва за Москву!), которую Ольгерд «прихватизировал» в 1373 году и право на владение которой отстаивали в 1380-м на Куликовом поле его сыновья. Именно потому в битве приняли участие и даже верховодили в ней литовские князья Дмитрий и Андрей Ольгердовичи. А их братишка Ягайло вел к Дону войска на помощь вовсе не Мамаю, а своим родственничкам, но, узнав, что те сами разгромили супостата, за неостребованностью помощи вернулся восвояси. Сомнительное поведение Дмитрия Донского на поле боя, а именно переодевание и пережидание сражения в близлежащем леске, Деружинский объясняет, во-первых, нежеланием воевать за чуждые ему интересы Литвы, а во-вторых, подготовкой «алиби» на случай победы Мамаю: дескать, воевать не хотел, сам не дрался, это все нехорошие литовцы, они заставляли. Так что в тот раз Москву для Литвы братья Ольгердовичи отстаивали даже без личного участия московского князя и помощи братца Ягайла, а вот через два года от Тохтамышша не уберегли, и она снова вернулась в Орду под руку верного слуги Тохтамышша князя Дмитрия, незаслуженно прозванного Донским.

Но это все были цветочки. Теперь главное – ягодки, так сказать.

Далее Деружинский выдвигает очень интересное предположение, правда, у него облаченное в форму категорического утверждения, что в 1382 году в Москве произошло народное восстание против Дмитрия Донского. Восстание возглавил внук Ольгерда литовский князь Остей, вероятно «*наместник генерал-губернатора*» Москвы Дмитрия Ольгердовича. Изгнанный восставшими из города мнимый герой Куликовской битвы в страхе перед народным гневом бежал без остановки до самой Костромы, откуда слезно умолил Орду о помощи: как-никак ордынский хан лишился важного улуса, а жизнь его преданнейшего московского слуги оказалась в опасности. Вняв мольбе незадачливого князя и осознавая опасность оставить мятеж без наказания, Тохтамышш лично отправился на усмирение мятежной Москвы,

вырезал всех бунтовщиков, включая главного из них, Остея, и вернул Дмитрию Донскому московский улус, а заодно и должок за Мамаю.

Вот такой сценарий белорусского боевика. Как боевику и положено: много шуму, все в дыму... Чтобы отсеять киношные эффекты и слегка прояснить ситуацию, прокрутим пленку еще раз в замедленном повторе.

Захват Ольгердом Москвы в 1372 или 1373 годах не факт, но и вещь не невозможная. Летописи об этом не факте молчат, а в пользу такой возможности говорит только признаваемое российскими историками руководство обороной Москвы от Тохтамыша каким-то молодым литовским князем Остеем. Абсолютно ничего об этом князе не известно кроме невразумительной ремарки, что он якобы был внуком Ольгерда². Может быть и правда был. В те времена князья, тем паче великие и вдобавок еще одной ногой застрявшие в язычестве, хотя формально и дважды-трижды крещенные, жен и наложниц имели во множестве, а детей от них во многих множествах. Дети Ольгерда, в частности, исчислялись десятками. Про внуков и говорить нечего. Вся эта орава вовсе не была обязана скопом служить своему общему деду. Просто в качестве примера: внуками Ольгерда были дети Владимира Серпуховского, женатого на дочери Ольгерда. Нет никаких оснований сомневаться в удивительной для тех времен преданности Владимира Андреевича двоюродному брату, московскому князю, по крайней мере во времена Мамаева побоища. Судя по нашим летописям, Владимир – единственный князь, который сумел во время нашествия Тохтамыша организовать хоть какой-то отпор ордынцам. Почему бы не поучаствовать в этом отпоре и его сыновьям? Мы не знаем, был ли Остей сыном Владимира Серпуховского, но ясно, что если сыновья серпуховского князя могли воевать против Тохтамыша, то защищать от того Москву вполне мог бы и кто-либо из их двоюродных братьев, внуков Ольгерда, без всякой связи с княжеством Литовским. В продолжение темы, безусловно внуками Ольгерда были дети Андрея Полоцкого и Дмитрия Трубчевского, а по одной из версий внуком Ольгерда (по другой версии племянником) был и главный полководец московских войск Дмитрий Боброк-Волынский, одержавший немало побед во славу Москвы и ее великого князя Дмитрия Ивановича. Не Ольгерда. Не Литвы.

Что касается беззаветной службы братьев Андрея и Дмитрия Ольгердовичей своей родине Великому княжеству Литовскому, то здесь мы имеем дело с откровенной подменой понятий. В Средние века феодалы в принципе не служили государствам и странам. И гибли не за Русь, Орду или Литву. Они, будучи вассалами другого феодала, служили исключительно и только лично своему сюзерену. Поэтому для обоих Ольгердовичей после смерти отца, когда стало ясно, что великокняжение им не светит, альтернатива в служении могла стоять только так: служить Ягайлу, Кейстуту или Дмитрию Московскому. Чтобы понять их выбор, надо вспомнить политическую ситуацию в Литве перед Куликовской битвой.

При жизни Ольгерд фактически делил власть в Великом княжестве Литовском с братом Кейстутом. После смерти Ольгерда в соответствии с завещанием почившего великим князем был объявлен его любимый сын Ягайло. Это, разумеется, не понравилось Кейстуту, считавшего себя, по еще действовавшему в то время лествичному праву, законным преемником верховной власти в Литве. Кейстут осенью 1379-го, а Ягайло весной 1380 года, заключают сепаратные договоры с Тевтонским орденом и целиком и полностью сосредотачиваются на междоусобной войне друг с другом, которая завершилась тем, что молодой Ольгердович обманом пленил и задушил дядю, а заодно едва не расправился с его сыном Витовтом. В сентябре 1380 года, когда взаимная вражда была в самом разгаре, обоим было совершенно не

² Если, конечно, это не Александр Андреевич Остей, московский наместник в Коломне, убитый в 1385 году Олегом Рязанским. Судя по отчеству, он мог быть сыном Андрея Полоцкого. Естественно, в этом случае он не был убит Тохтамышем, да и вряд ли возглавлял восстание против московского князя.

до московского князя и Мамаю. Кроме того, у нового великого литовского князя помимо Кейстута остались другие соперники в борьбе за литовский трон и, тем самым, объективно его враги. Ягайло был старшим сыном от последней жены Ольгерда, тверской княжны Ульяны, но его сводные братья от предыдущей жены были, естественно, старше и, надо думать, не без оснований рассчитывали унаследовать великокняжение раньше Ягайла. Не получив его, они не могли не счесть себя обманутыми и обделенными. Самым старшим из детей Ольгерда был Андрей Полоцкий, которому к моменту смерти отца было уже под пятьдесят и который владел самым большим и богатым в Литве Полоцким княжеством. После оглашения завещания Ольгерда Андрей даже предпринял неудачную попытку силой захватить Вильню и отобрать великокняжение у Ягайла. Сложнее с Дмитрием Трубчевским. По разным источникам, он был сыном Ольгерда то ли от первого, то ли от второго брака и, соответственно, то ли родным, то ли сводным братом Андрею и соответственно наоборот, сводным или родным Ягайлу. Андрей Ольгердович лишился самого богатого в Литве полоцкого княжества и законного, по его мнению, права на великокняжение. Дмитрий Ольгердович, которому достались не самые богатые Трубчевск и Стародуб, тоже имел основания считать себя обделенным. Кроме того, весьма вероятно, что его просто-напросто перекупил московский князь, пообещав вожде ленный Брянск и вдобавок к нему Переяславль-Залесский в кормление.

Нетрудно представить себе отношение этих двух братьев к своему обидчику Ягайлу, братской любви к которому вряд ли впоследствии добавило убийство Ягайлом их дяди Кейстута и почти удавшееся покушение на двоюродного брата Витовта. Так что на сказочку о том, что Андрей и Дмитрий Ольгердовичи встали насмерть на Куликовом поле за родную Литву, а их брательник Ягайло спешил к ним на помощь, мы не поведемся. Такое развитие событий, мягко говоря, маловероятно. Так же маловероятно и их служение Кейстуту: признание того великим князем Литовским при живом его сыне Витовте автоматически делало в будущем призрачными шансы всех Ольгердовичей на великокняжение. А вот служили ли братья московскому князю, мы не знаем, но летописи утверждают, что служили. Летописям, особенно в таких вопросах, верить надо с осторожностью. Но, с другой стороны, я бы на месте старших Ольгердовичей наверное пошел бы служить именно Дмитрию Ивановичу: московский князь был для них естественным союзником и чуть ли не единственной опорой в борьбе с Ягайлом и Кейстутом. Другое дело, что союз с московским князем не оправдал их надежд. В конечном счете, Андрею и Дмитрию Ольгердовичам все же пришлось придти на поклон к Витовту, но уже после смерти Дмитрия Донского, поскольку, во-первых, сюзеренитет не переходит автоматически от отца к сыну, во-вторых, сын Донского, Василий Дмитриевич, оказался князем слабым, неспособным продолжить дело отца, в частности борьбу с Витовтом, сделавшим Василия своим зятем, а в-третьих, Витовт к тому времени вошел в Литву в такую силу, что Ольгердовичам практически уже ничего не светило. Лишившись сильного сюзерена, смирившись и отказавшись от надежд на великокняжение, они, в конце концов, подались под руку Витовта и бесславно погибли на Ворскле. Но все это случилось потом. В 1380 году, весьма вероятно, они все-таки были вассалами московского князя.

Тут, правда, есть небольшой нюанс. Если верить Деружинскому, то ни один литовский князь на одном поле не присел бы по нужде с каким-то «московским князьком». Однако летописи с Деружинским не согласны. Как мы уже знаем, литовский князь Дмитрий Боброк служил московскому тезке долго и верно. Ягайло, может быть, не стал бы служить Дмитрию Ивановичу, но породниться с ним не считал зазорным. Сразу после начала смуты в Литве, вызванной смертью и завещанием Ольгерда, его вдова Ульяна спешно попыталась устроить брак своего сыночка Ягайла с дочерью Дмитрия Ивановича. Вряд ли она стала бы хлопотать о зяте из числа мелких князьков в тот критический момент, когда ее сыну нужна была реальная поддержка в борьбе за литовский престол. Кроме того, выглядит весьма вероятным, что, породнившись с московским князем, Ульяна хотела нейтрализовать наметившийся

союз с ним Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. Женитьба Ягайла на дочери Дмитрия³ приняла реальные очертания после Куликовской битвы, но зависла из-за разгрома Москвы Тохтамышем. А потом жениху подвернулась другая партия, показавшаяся ему более выгодной, и Ягайло, видимо твердо настроившийся разом решить все внутривосточные проблемы Литвы выгодной женитьбой, ее не упустил: брак с польской княжной Ядвигой в совокупности с католическим крещением принесли ему корону Польши. Однако факт остается фактом. Вряд ли было бы возможным сватовство Ягайла, великого князя Литовского и будущего короля Польши, к дочери какого-то незначительного князька. И еще одна «техническая» ремарка о незначительности Московского княжества в конце XIV века. Археологически подтверждаемая площадь московского кремля того времени (28 га), уже успевшего тогда обзавестись каменными стенами, была больше площади так называемого Нижнего замка Вильни, каменные стены у которого появились полувеком позже.

Есть еще одна историческая реальность, никак не укладывающаяся в сценарий «Ягайлов вассал». В 1381 году, то есть сразу после своего воцарения, но до похода на Москву, Тохтамыш выдал ярлык на великое княжение Ягайлу. Собственно, Ягайло не был в подчинении у Орды и в ярлыке не нуждался. Но этот символический акт стал его важной дипломатической победой над Кейстутом и залогом как долгой нежной дружбы лично между Ягайлом и Тохтамышем, так и особых отношений Золотой Орды с Литвой, а затем и Речью Посполитой. Поэтому неудивительно, что изгнанный Тимур-Кутлугом Тохтамыш впоследствии нашел убежище не где-нибудь, а в Великом княжестве Литовском. В 1399 году он участвовал в упомянутом сражении Литвы против Тимур-Кутлуга на Ворскле на литовской стороне. Потомки Тохтамыша окончательно осели в Литве, и татарскую конницу в составе литовских войск, атакой которой началась Грюнвальдская битва 1410 года, вел в бой его сын Джелал ад-Дин. Судя по всему этому, если бы Тохтамышу в 1382 году действительно пришлось решать спор за Москву между Дмитрием Донским и Ягайлом, он вряд ли последовал бы в этом деле сценарию Деружинского.

Нет, не был великий князь Владимирский вассалом своего без пяти минут зятя Ягайла и тем более удельного князя Дмитрия Ольгердовича. Нет, не отнимал Тохтамыш Москву у Ягайла, чтобы вернуть ее Дмитрию Донскому. Нет, отнюдь не братскими были отношения между Ягайлом и братьями, Андреем с Дмитрием. Не случайно при создании одной из поздних расхожих версий Куликовской легенды ее авторы поместили Андрея командовать правым флангом московского войска, а Дмитрия – резервом, ведь именно на правый фланг и резервный полк должен был бы обрушиться Ягайло, подоспей он вовремя и ввяжись с ходом битвы.

А вот о восстании московского люда против Дмитрия Донского и усмирении его Тохтамышем стоит поразмыслить.

Между прочим, также отгалкиваясь от московского восстания, А. Быков и О. Кузьмина⁴ выдвигают предположение, что в 1382 году Тохтамыш вовсе не имел целью разорять Москву. Наоборот, в союзе с Дмитрием Ивановичем и Кейстутом Гедиминовичем он выступил против Ягайла Ольгердовича, вознамерившись, в конце концов, подчинить себе всю юго-восточную часть великого княжества Литовского, то есть западные княжества бывшей Киевской Руси, сохранявшие независимость от Орды. Восстание в Москве не только лишило Тохтамыша основного союзника, московского князя, но и заставило, изменив планы, заняться усмирением восстания. В итоге до Ягайла дело так и не дошло, Тохтамыш был вынужден ограничиться восстановлением порядка в Москве и разорением земли Олега

³ А. Кузьмин считал, что Софье, выданной два года спустя за сына Олега Рязанского, но, возможно, что Марии, которая впоследствии действительно стала женой сына Ульяны от Ольгерда, Лугвеня, родного брата Ягайла.

⁴ А. Быков, О. Кузьмина. Олег Рязанский.

Рязанского – зятя и союзника Ягайла. Тоже заслуживающая внимания версия. Вот только слабо верится, чтобы Кейстут при всей остроте его противостояния с Ягайлом согласился бы помогать ордынцам в порабощении Литвы и, следовательно, вошел в сговор с Тохтамышем и Дмитрием. В остальном – вполне возможный сценарий развития событий.

Как бы то ни было, существенно, что в обоих вариантах рассматриваемого сценария центральное место занимает московское восстание. Но было ли оно? Ставя себя на место москвичей, я бы всерьез задумался о том, чтобы дать под зад своему князю. Хроника 70-х годов XIV века для Москвы – сплошные войны. Их непомерно много даже для никогда не отличавшихся особым миролюбием великих княжеств. Дмитрий Иванович без передыха воюет с Ордой, Волжско-Камской Булгарией, Литвой, Тверью, Рязанью, Суздалем, Смоленском, Брянском. Успехов больше, чем неудач, но что с этих успехов имеют простые москвичи кроме все новых и новых рекрутских наборов и дополнительных поборов на содержание войск? Зато последствия всех неудач они ощущают на собственной шкуре. Ольгерд в 1368 году так разоряет московские земли, что летописи вопиют: *«Такого зла, как от литовцев, и от татар не было»*. А ведь это было писано еще до нашествия Тохтамыша, дотла выгоревшей Москвы и ее поголовно вырезанного населения. Если к этому добавить десятки тысяч зря сложенных на Куликовом поле голов кормильцев московских семей, то станет совершенно очевидно, что любить своего князя москвичам было не за что. Награждать почетными прозвищами тем более. А ненавидеть и от безысходности поднять против него мятеж – причин предостаточно.

Собственно, московское восстание – не домысел. Летопись прямо говорит о мятеже в Москве во время приближения к городу Тохтамыша. Правда, в летописной трактовке восстание началось после и вследствие бегства князя и митрополита (Дмитрий бежал в Переяславль-Залесский и без остановки дальше в Кострому, Киприан – поближе, но зато во враждебную Москве Тверь). Но тогда непонятно (и летописи об этом молчат!), против кого москвичи подняли мятеж. Против кого бунтовать-то, если всего начальства след простыл? Вот и возникают естественные сомнения: не поменяли ли редакторы летописей местами причину и следствие? Не дали ли дружно князь со всей семьей и митрополитом стрелкача как раз из-за вспыхнувшего в городе мятежа? Если это так, то в такое время власть в городе мог прибрать к рукам кто угодно, хоть литовский, хоть китайский князь, лишь бы не подручный Дмитрия Донского. И если восстание на самом деле имело место и было направлено против него, теоретически Дмитрий, наверное, мог обратиться из «костромской эмиграции» к Тохтамышу за военной помощью против мятежников. Единственно, что настораживает, так это личное отсутствие Дмитрия при наводящем порядок в Москве Тохтамыше. В любом из двух сценариев, что «Ханский сатрап», что «Ягайлов вассал», в которых Тохтамыш освобождает Москву то ли от захвативших ее литовцев, то ли от мятежных москвичей, его преданный вассал Дмитрий по логике вещей должен быть при царе-освободителе, подобострастно и деятельно ему помогать, а не сидеть поджав хвост в далекой Костроме. Однако в наших летописях вместо Дмитрия Донского рядом с Тохтамышем мельтешат и помогают ему взять город какие-то нижегородские князья. Так что даже единственная разумная ниточка в сценарии «Ягайлов вассал» до конца не вяжется, если, конечно, не считать Дмитрия Московского патологическим трусом. Но, чтобы комплексно оценить этот сценарий, в заключение посмотрим, как он отвечает на наши вопросы.

Как ни странно, сценарий «Ягайлов вассал», в котором ничто ни с чем толком не вяжется, тем не менее на некоторые вопросы дает вполне разумные ответы. Если с Мамаем воевало Великое княжество Литовское, то ему выставить сотысячное войско было более реально, чем Московскому. Полностью снимается проблема оголения и незащитности московских тылов перед Литвой, поскольку они превращаются в собственные литовские тылы. Находит хоть какое-то объяснение трусливое поведение Дмитрия Донского на Куликовом

поле: подневольный князь был вынужден воевать за Литву, но не хотел ни руководить войсками, ни погибать за чужие интересы. И еще один, очень важный момент. Понятно, что в сценарии Деружинского как раз Мамай должен был спешить покончить с московским войском, руководимым Андреем и Дмитрием Ольгердовичами, пока не подошли основные литовские силы. Но ведь, по нашим летописям, как раз Мамай и начал эту битву, чуть-чуть опередив находившегося на подходе Ягайла! Наконец, после Куликовской битвы в благодарность за помощь в разгроме своего главного врага именно литовскому князю Тохтамыш выдал ярлык на великое княжение. Таким образом, в целом сценарий «Ягайлов вассал» дает намного больше ответов, чем два предыдущие. Хотя и ему не удастся снять все вопросы.

Непонятным остается, почему Тохтамыш отдал усмиренную Москву непокорному Дмитрию Донскому, а не своему соратнику Ягайлу, дружба с которым в дальнейшем пройдет самую суровую проверку временем? К тому же зачем, усмиряя московское восстание, татары убили литовского наместника Остея? Если Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, полные братской любви, были союзниками Ягайла, тем более непонятно, почему Ягайло повернул назад в одном переходе от Куликова поля, почему не захотел повидаться с братьями, обняться, поблагодарить, разделить радость победы? Ну и, разумеется, по-прежнему нет ответа, за что московский князь получил свое почетное прозвище: пресмыкался перед Тохтамышем, воевать с Мамаем не хотел, боем не руководил, вообще в битве не участвовал, был изгнан москвичами из города. Однако же с почетом прозван ими Донским.

В целом роль великого княжества Литовского в событиях на Куликовом поле и два года спустя в Москве по-прежнему неясна, но возможно какую-то роль Литва в этих событиях все же сыграла. Однако лично Ягайлу, целиком поглощенному жизненно важной для него борьбой с Кейстутом, в 1380 году было не до конфликта Мамаю с Дмитрием Московским. Вряд ли он в критический для себя момент пошел бы со всем войском на помощь любому из них и даже своим братьям, оставив столицу и свое великокняжение на милость Кейстуту. Но идея восстания московского люда против своего князя в 1382 году, по-моему, заслуживает самого пристального внимания, которое, надеюсь, ей в конце концов все же уделят профессиональные историки. А может быть и нет, так как теперь им в лице Дмитрия Донского придется покуситься не только на героического князя, но и православного святого.

Что ж, поглядим. А мы в коротком перерыве, пока в киноаппарате меняется пленка, заглянем в буфет и, подкрепившись, перейдем к следующему сценарию.

Сценарий четвертый. «Костромской хан»

Следующий сценарий обязан своим рождением академику А. Фоменко, и в силу моды на его Новую хронологию достаточно известен. Поэтому вряд ли есть нужда пересказывать его здесь во всех подробностях. Достаточно обозначить основные моменты.

Сама Новая хронология – это, возможно, отражение нашего ускоряющегося темпа жизни. В бытовой суете, когда по необходимости переделать за день кучу дел счет времени порой идет на минуты, непросто отрешиться от привычного ритма и, оглядываясь на далекое прошлое, оперировать веками и тысячелетиями. Нам, привыкшим к тому, что за день, да что там за день – за час, можно успеть сделать так много, невозможно даже мысленно заполнить прошедшие тысячелетия тем скудным материалом, что имеется в распоряжении историков. Интуитивно кажется, что всего содержимого учебника древней истории едва-едва хватит на век-другой. И совершенно непонятно, зачем нашим предкам понадобились многие тысячелетия для столь скромных свершений. Действительно, всю историю мира нетрудно сжать в десятки и сотни раз, не меняя в учебниках ни одного слова, а всего лишь аккуратно подправив в них даты. По большому счету, этим и занялся Фоменко, а попутно воплотил в своей Новой хронологии давнюю идею вечного календаря.

Вероятно, эта идея родилась из удивительной свойственной нашему мироустройству повторяемости всего и вся. Особенно наглядно и доступно она проявляется в регулярном чередовании фаз луны и сезонных изменений. В этом чередовании изощренный человеческий ум усмотрел и более сложные календарные циклы. Например, в юлианском календаре соотношение дней недели дням месяцев в точности повторяется с периодом 28 лет, а в григорианском полный цикл растягивается аж на четыре столетия. Так же циклично, в вековом масштабе, крутится история в Новой хронологии, замыкая витки бесконечной спирали событий в нечто наподобие ленты Мебиуса. Из-за этой цикличности в определенных проекциях происходят всякого рода совмещения и наложения. Одно из частных совмещений Новой хронологии напрямую затрагивает нашу тему и радикально решает проблему взаимоотношений между великим князем Московским Дмитрием Ивановичем и золотоордынским ханом Тохтамышем. Точнее, она ее вообще устраняет. Дело в том, что укорочение всемирной истории у А. Фоменко попутно сокращает общее число действующих на ее сцене персонажей, в результате чего оказывается, в частности, что Дмитрий Донской и Тохтамыш – это вообще одно и то же лицо. Из такого неожиданного совмещения проистекают многие удивительные вещи.

Во-первых, в Новой хронологии бедолаге Мамаю не пришлось напрягаться и выдерживать с полугодовым перерывом две тяжелейшие битвы: осенью 1380 года на Дону с Дмитрием-Тохтамышем и весной 1381 года на Калке с Тохтамышем-Дмитрием. Впрочем, легче ему от этого, по-видимому, не стало. Во-вторых, чтобы в 1382 году Тохтамыш-Дмитрий не сжег Москву Дмитрия-Тохтамыша, то есть свою собственную столицу, авторам Новой хронологии пришлось постулировать, что никакой Москвы тогда еще не было, и Куликовская битва состоялась как раз в том чистом поле, впоследствии названном Куликовым, где Тохтамыш-Дмитрий в ознаменование победы над Мамаем заложил будущую столицу России. В-третьих, князь Дмитрий-Тохтамыш во время Куликовской битвы и нашествия на свою собственную несуществующую Москву еще не был московским князем, удирать из Москвы в Кострому не мог да и не имел в этом нужды, будучи ордынским ханом с резиденцией в Костроме. А заварушка, завершившаяся Мамаевым побоищем, была просто-напросто феодальной разборкой соседских князей, рязанского да литовского, и ханов, костромского да крымского, которые в великом историческом предвидении поцапались за пустое место, на котором предстояло возникнуть будущей столице России.

Можно по-разному относиться к этому новохронологическому перевертышу истории, но все же полезно выслушать наиболее интересные аргументы А. Фоменко. В их числе если не главными по качеству, то безусловно доминирующими по количеству служат примеры практически полной идентичности топонимики Куликова поля и старой Москвы. Вот сухой перечень наиболее ярких параллелей.

Место битвы – Куликово поле на Дону и исторический район Кулишки в центре Москвы. Если верить Фоменко, эти Кулишки в летописях, в частности Архангелогородском летописце, прямо названы Куличковым полем: «И принесоша икону и сретоша Киприян митрополит со множеством народу, на поле на Куличкове, иде же ныне церкви каменна стоит во имя Сретенья Пречистая, месяца августа, в 26 день». По упомянутой церкви Сретенья получила свое имя московская улица Сретенка, начинающаяся неподалеку от местности, носившей историческое название Кулишки со свойственной московскому говору фрикативным размазыванием аффрикаты **ч**. На этих самых Кулишках-Куличках, у южного выхода метро «Китай-город», и сейчас стоит другая церковь – Всех Святых, – построенная не кем-нибудь, а Дмитрием Донским и не просто так, а, по преданию, как раз в память павших в Куликовской битве.

Ставка Мамаю во время битвы – Красный холм на Куликовом поле, где ныне находится музейно-мемориальный комплекс Куликовской битвы, и Красный холм в Москве, на том же, что и Кулишки, левом берегу Москвы-реки, чуть ниже по течению в районе Таганской площади. В наши дни в столице этот топоним сохраняется в названиях Краснохолмской набережной и Краснохолмского моста.

Сборный пункт войск – город Коломна и загородная резиденция московских князей и царей Коломенское, ныне музей-усадьба в черте Москвы. К моменту Куликовской битвы Коломенское существовало уже почти полвека и в качестве княжеской резиденции вполне могло быть местом сбора войск. Приверженцы Новой хронологии справедливо обращают внимание на некоторую путаницу в наших летописях, в частности, войска вроде бы собираются в Коломне, но в донской поход отправляются все же из Москвы.

Место смотра собравшемуся войску, который Дмитрий Иванович устроил перед походом на Дон, – Девичье поле в Коломне и одноименное поле в Москве. Московское Девичье поле между Хамовниками и Лужниками давно и плотно застроено, но оно обозначено на старых картах, по нему были названы стоящий поныне на его бывшем дальнем конце Новодевичий монастырь и проходящая вдоль монастыря Новодевичья набережная.

Последняя перед битвой стоянка Мамаю – Кузьмина Гать и московский район Кузьминки в десяти-двенадцати километрах от Красного холма и не более чем в пятнадцати, то есть на расстоянии одного пешего перехода, – от исторических Кулишек.

Отдельно стоит остановиться на Чурове и Михайлове. В «Задонщине» есть такое странное замечание: «У Дона стоят татары поганые, Мамай-царь у реки Мечи, между Чуровым и Михайловым». Ни по Красивой Мече на Куликовом поле, ни по рязанской Мече, притоке Оки, таких населенных пунктов нет и никогда не было. Зато по городу Москве вдоль Третьего транспортного кольца в районе Татарского (!) кладбища протекает река Чура, которую можно считать тезкой Мечи. А. Бычков⁵ очень тонко подмечает, что древнерусское слово ЧУРА в значении «граница», «межа» точно соответствует древнецерковнославянскому (то есть, книжному, которым пользовались монахи-летописцы) меѢа. Слова МЕѢА [мѣджа] и МЕЧА [мѣча] и писались и произносились почти одинаково, различаясь лишь звонкостью-глухостью аффрикаты, передаваемой соответственно зеркально схожими буквами «джервь» (**ѣ**) и «червь» (**ч**). В этом контексте А. Фоменко предполагает, что близ места впадения Чуры в Москву-реку вероятно было какое-то сельцо Михайлово, от которого оста-

⁵ А. Бычков. Ледовое побоище и другие «мифы» русской истории.

лись на современной карте Москвы между улицей Орджоникидзе и Третьим транспортным кольцом семь Михайловских проездов. Правда, про Чуров и в здешних краях ничего не ведомо, но уж коли где-либо существовали городок Чуров или сельцо Чурово, то где ему еще стоять кроме как на реке Чуре? А тут еще и приток Чуры речка Кровянка. Странное и страшное название, но не для места Куликовской битвы. Фоменко справедливо напоминает, что в наших летописях после Куликовской битвы реки несколько дней кровью текли. Не от того ли Кровянка?

На самом деле список соответствий названий тульского Куликова поля и московских Куличков у авторов Новой хронологии гораздо длиннее приведенного здесь и включает достаточно спорные созвучия и явно притянутые за уши весьма условные похожести. Но не будем придираться к авторам Новой хронологии. В конце концов, любое созвучие, даже стопроцентное, само по себе не может быть доказательством. Однако у Фоменко для перенесения места Мамаева побоища с Дона на Москву-реку есть и более серьезные основания, а в споре с адептами сценария «Руси защитник» – более сильные козыри.

Главный аргумент всех противников Куликовской битвы в ее классической интерпретации – отсутствие осязаемых следов битвы на Куликовом поле у Непрядвы. Несмотря на давние усилия многих поколений профессионалов и любителей, в последнее время вооруженных современной техникой, вплоть до миноискателей и навигаторов GPS, находки на предполагаемом месте битвы обескураживающе ничтожны и не превосходят «археологического фона» Муравского шляха, на котором традиция располагает место побоища и по которому веками ходили туда-сюда на рать наши предки и их противники. Особенно странно отсутствие на предполагаемом поле битвы массовых захоронений, что прямо противоречит утверждениям летописей о громадной войске, тяжелейшей битве, огромных потерях и восьмидневном «стоянии на костях» после победы для похорон погибших. Вот тут-то А. Фоменко и достает из рукава свои козыри, крыть которые профессионалам пока, похоже, нечем.

То, что веками искали российские и советские археологи на берегах Дона, авторам Новой хронологии с ходу удалось найти... в Москве в районе Крутицкой набережной! О захоронении каких-то участников Куликовской битвы у церкви Рождества Пресвятой Богородицы на нынешней территории завода «Динамо» вроде бы было известно с XVIII века. Больше того, в 1870 году в этой церкви было установлено чугунное надгробие Пересвету и Ослябе, но даже чугун не пережил революционных бурь начала двадцатого века. Поскольку церковь стоит на Крутицкой набережной, в которую ниже по течению Москвы-реки переходит Краснохолмская набережная, то есть, в непосредственной близости от московского Красного холма и, следовательно, места Мамаева побоища по Новой хронологии, авторы последней не поленились лично обследовать эту церковь и, пусть случайно, но обнаружили в ней массовое захоронение XIV века. Это дало им основание предположить, что церковь построена как коллективная усыпальница непосредственно у места Мамаева побоища, произошедшего согласно летописям в день Рождества Богородицы, отчего церковь и получила свое название. На самом деле, как утверждают ортодоксальные историки, она была построена гораздо раньше в монастырском качестве, а за год до Куликовской битвы после переноса монастыря на новое место чуть севернее осталась простой церковью. Однако это не меняет существа дела: и в старой, и в новой ипостаси церковь вполне могла быть использована для погребения погибших воинов и получить свое название по дню сражения и славной победы над Мамаем.

Таким образом, имеется факт, мимо которого нельзя пройти просто так: на Куликовом поле в устье Непрядвы массовых захоронений нет, а при московской церкви Рождества Пресвятой Богородицы они есть. Да еще какие! Здесь, пожалуй, лучше всего передать слово А. Фоменко и Г. Носовскому: *«Не успели мы войти на площадку перед церковью, как*

наше внимание привлек огромный дощатый ящик, уже опущенный в свежую могилу и приготовленный к погребению... присутствовавшие при этом церковный староста и рабочие охотно рассказали нам следующее. Оказывается, вся земля вокруг церкви в радиусе около ста метров и на глубину несколько метров буквально забита человеческими черепами и костями. Более того, площадь захоронения возможно даже больше, но выяснению этого мешают заводские постройки, плотно обступившие церковь... еще при постройке завода был обнаружен целый слой из костей. Эти древние кости тогда выкапывались в огромных количествах и просто выбрасывались...»

Скелеты неплохо сохранились, что позволило авторам открытия выявить две интересные особенности захоронения. Во-первых, массовость погребения подчеркивалась полным беспорядком в расположении скелетов. Тела не укладывали, а сбрасывали в ямы как попало. Во-вторых, отдадим должное наблюдательности Фоменко и Носовского, сохранившиеся у скелетов зубы выглядели вполне здоровыми, что в Средневековье могло быть только у очень молодых людей. Это хороший аргумент в пользу того, что в ямах хоронили не почивших естественной смертью стариков, не всех без разбору жертв какой-то эпидемии, а только молодых, чему может быть лишь одно рациональное объяснение – речь идет о братской могиле павших в бою воинов. Кроме того, рядом с костями в земле были найдены каменные надгробные плиты без надписей, но одного и того же образца и размера и с одним и тем же рисунком, чрезвычайно напоминавшим воинский щит. Плит было несколько, но существенно меньше, чем скелетов. И ни одного гроба. Следовательно, речь действительно идет об одновременном воинском захоронении в нескольких братских могилах, причем захоронении настолько массовом, что хоронили без гробов в навал, а могилы отмечали стереотипными плитами.

По утверждению А. Фоменко и Г. Носовского, ранее вызванные на место обнаружения костей археологи определили время захоронения XIV веком, то есть примерно временем Куликовской битвы. Однако самим захоронением почему-то не заинтересовались. Равно как никого не интересуют находящиеся там же предполагаемые могилы Пересвета и Осляби. Но это не наша проблема, хотя за державу привычно обидно. Наша же задача – поискать в сценарии «Костромской хан» ответы на поставленные ранее вопросы.

Этот сценарий также полностью снимает вопрос об оголенных московских тылах. В нем золотоордынский хан Тохтамыш-Дмитрий не уводил свои войска на далекий Дон, а встретил неприятеля в своей родной орде, на берегу Москвы-реки. И тут уже не столь важно, противостоял ли ему только Мамай или с ним были Олег Рязанский, Ягайло Литовский и кто угодно еще, включая китайского императора. Это детали. Новохронологический сценарий и находки у церкви Рождества Пресвятой Богородицы даже могли бы дать хотя бы приблизительную оценку размера войска Дмитрия-Тохтамыша, которое в качестве ордынского действительно могло быть очень большим, но только при сразу нескольких условиях. Во-первых, археологи должны заинтересоваться костями в земле завода «Динамо» у церкви Рождества Пресвятой Богородицы и получить к ним доступ. Во-вторых, эта находка действительно должна оказаться массовым захоронением рубежа 70-х и 80-х годов XIV века. Как мы помним, Дмитрий Иванович воевал непрерывно, и братские могилы москвичи копали тоже, надо думать, не покладая рук всю вторую половину XIV столетия. В-третьих, скелеты должны достаточно хорошо сохраниться, чтобы можно было оценить их общее число.

К сожалению, Новая хронология не проясняет, почему хан Тохтамыш-Дмитрий полез в сечу рядовым нукером. Поступок совершенно не свойствен князьям и тем более невероятен для золотоордынского хана. По-прежнему непонятно, почему Дмитрий-Тохтамыш в русском народе напрочь потерял второе имя, вместо которого получил намертво приклеившееся к нему прозвище Донского. Наконец, голова совсем идет кругом от осознания того, что в 1382

году золотоордынский хан в лице Тохтамыш-Дмитрия собственной персоной руководил штурмом несуществующей Москвы и одновременно в лице Дмитрия-Тохтамыш отсиживался в своей стольной Костроме, отрядив для связи с самим собой нижегородских беков.

Чтобы как-то остановить головокружение, глубоко вздохнем и нырнем в очередной сценарий.

Сценарий пятый. «Тающий айсберг»

В высокотемпературной лихорадке ограниченной гласности и безграничного плюрализма вся классическая история России словно тает и постепенно растворяется всеобщей критикой всего и вся подобно тающим льдам Арктики и Антарктики в нашу эпоху глобального потепления. Казавшийся несокрушимым айсберг классического сценария Куликовской битвы «Руси защитник» буквально разваливается на куски. От него уже откололись глыбы других сценариев, о которых речь шла выше, но центральный монолит до сих пор пытается сопротивляться глобальному историческому потеплению, цементируемый государственной идеологией, полуофициально признающей день Куликовской битвы всенародным праздником, государственными наградами, среди которых набор памятных медалей «Куликовская битва» и орден РПЦ «За служение отечеству» (святых великого князя Дмитрия Донского и преподобного Сергия игумена Радонежского), и наконец авторитетом православной церкви, хоть и с огромным опозданием, но принявшей Дмитрия Донского в сонм благоверных святых. Некогда девственно белоснежные склоны ледяного гиганта активно разъедают ручейки талой воды, вследствие чего они теряют былой глянец и, по мере того как льдина айсберга кружится в головоломных водоворотах истории, поворачиваясь к нам то одним, то другим боком, нашему взору предстают самые разные, порой не слишком приглядные картины, набросанные разводами проступающей на талом льду вековой грязи.

Первый ручеек с тающего айсберга, вроде бы робкий, но предвещавший страшное половодье межнационального конфликта прожурчал в Татарстане. Российские татары тоже хотят иметь свое славное прошлое и, в частности, ищут его в истории Золотой Орды, стремясь выставить ее исторической и духовной предшественницей нынешнего Татарстана. Разве можно отказать им в этом праве? Как ни верти, Казанское ханство входило в Орду и стало одним из ее преемников. Между тем тонкая материя отношений татар и русских, двух основных национальных и конфессиональных составляющих российского народа, отчетливо затрещала по всем швам при первой же попытке узаконить дату Куликовской битвы в качестве общероссийского праздника. Татары обиделись. Естественно, у них не было ни малейшего желания праздновать поражение и унижение своих предков или, если хотите, тех, кого они хотят считать своими предками. У российского руководства на сей раз хватило политической мудрости идею всенародного куликовского праздника спустить на тормозах, но дискуссия в обществе активно продолжается. В этой дискуссии татарская ученая мысль родила для необходимости пересмотреть роль и значение Куликовской битвы в истории России рациональное обоснование, которое кратко, но четко выразил ректор Российского исламского университета Р. Мухаметшин: *«Многие историки сошлись на том, что Куликовская битва не является событием, внесшим кардинальные изменения в будущее российского государства. Это было одно из рядовых военных столкновений в рамках феодальной междоусобицы»*. Таким образом, факт битвы не отрицается, ее географическое место вообще не дискутируется, но радикально пересматривается историческое место и роль в истории России. Куликовской битве отказывается в чем-либо национально-освободительном и вообще национальном – так, рядовая драчка феодальной междоусобицы. Между прочим, в целом созвучно сценарию «Костромской хан», если не заостряться на географических координатах этого внутриордынского междусобойчика.

Говоря о крупных сражениях Средневековья, нельзя не признать, что российская и советская историография не может похвастаться объективностью и непредвзятостью оценок их значения. Достаточно вспомнить Окуневское и Кондурчинское сражения. Наверняка большинство читателей о таких слыхом не слыхивали.

Наши летописи настолько обходят молчанием битву на реке Окуневке близ Мозыря, что даже доподлинно не известен год, когда она состоялась. Западнорусские летописи относят ее то ли к 1259-му, то ли к 1270-му или 1271-му, то ли к 1275-му или 1276 году. Также точно не ясно, кто возглавлял татар: темник Балаклай или хан Курдан. Ни то, ни другое имя не встречаются в других источниках, если не считать Хронику Быховца, в которой титул казанского хана балтавар прописан как балаклай. Так что достоверными имеющиеся данные об Окуневском сражении назвать вряд ли можно. Тем не менее, согласно западнорусским летописям, на Литву пришло объединенное татарское войско Заволжской, Ногайской, Казанской и Крымской орд. Возможно, здесь мы имеем дело со свойственным нашим летописям преувеличением численности татарских войск, но, если дыма не бывает без огня, то сила на Литву навалилась немалая. К тому же, владимирский летописец, вскользь упоминая какой-то ордынский поход примерно того же времени на Литву, вроде бы включает в татарское войско неких «русских князей», из чего можно предположить, что в походе принимали участие, добровольно или по принуждению, войска Владимиро-Суздальского княжества. Этой силе Литва противопоставила свое объединенное войско, в котором под общим командованием Новогрудского князя Тройняты Скиримонтовича собрались князья Карачевский и Черниговский, Туровский и Стародубский, Киевский и Друцкий, Луцкий и Волынский. Вряд ли Окуневскую битву можно назвать, как это делает Е. Макаровский⁶, битвой народов – народов как таковых в ней принимало участие раз-два и обчелся, зато перечислено несколько орд и, самое главное, много русских княжеств с обеих сторон ордынско-литовского пограничья. Так что, судя по имеющимся данным, это была крупная битва, возможно не уступавшая по масштабу той же Куликовской по сценарию «Руси защитник», но, в отличие от нее, действительно освободившая от татарского ига значительную часть тогдашнего Великого княжества Литовского и прежней Киевской Руси, территориально соответствующую нынешней юго-восточной Беларуси.

⁶ Е. Макаровский. Битва Куликовская, битва Окуневская... К легенде о 250-летнем татаро-монгольском иге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.